

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Иллюстрация на обложке Y U R E I
Дизайн обложки *Яны Половцевой*

Кравец, Саша.

К77 О дьяволе и бродячих псах : [роман] / Саша Кравец. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Young Adult. Моментальный хит).

ISBN 978-5-17-156604-3

Говорят, некогда в отеле «Барнадетт» рождалась джазовая музыка, гениальные идеи и сотни головокружительных романов. Но Нина Стелманис застаёт его другим — одиноким особняком тетушки Эстель, презираемым местным религиозным движением. Но так ли он одинок, как кажется? Дом, где нет места свету, полон незнакомцев. Разных, но объединённых общей тайной, — каждый из них связал свою жизнь с загадочным господином, который даёт людям второй шанс. Нине предстоит выяснить всю подноготную родового имени и столкнуться с одержимым азартом и страстью дьяволом. Понадобится смелость, чтобы выжить. Но не только ей принимать решения. Она — лишь шахматная фигурка в чьей-то партии. Кто даст верный ответ на вопрос, что лучше: смерть или жизнь на цепи преисподней?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156604-3

© Саша Кравец, 2023
© Y U R E I, иллюстрация на обложке
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть 1

Трудности
переезда

Пролог

Ветер мягко шелестел в листве, заговаривая округу на грядущий сон. Сумерки расстелились бархатным покрывалом по улицам Порт-Рея, воцарили тишину, забрались в каждое окно и разбудили свет.

В комнате человека теплилась лампа. Он не спал. Наступление ночи тревожило покой.

Его скромная обитель тонула в полумраке. Тени от мебели расплзлись по выцветшим зеленым обоям, затаились за пыльным зеркалом, под одинокой курткой на стройной вешалке у дверей. Накрыли кипы книг у подножья кровати и кучу пустой стеклянной тары на краю вытертого ковра. Человек много пил. Да и выглядел неважно. Бледный свет совсем худо ложился на его лицо, выделяя впалые скулы, острый подбородок, морщины в уголках глаз, выдающие отнюдь не юный возраст. Однако ошибочно полагать, что это был старик. Сам человек ни в коем случае себя таковым не считал.

В тот вечер, как и во многие другие, он не мог сомкнуть глаз. Человек долго лежал в зыбкой полудреме, прикрыв веки, пока парад навязчивых мыслей настолько не вымотал его, что он отбросил всякие попытки заснуть. Человек налил в стакан виски, совсем немного, на пару сантиметров, и забрался на подоконник. Подставив лицо прохладному ветру, уставился в темную даль. Вид сонного

города навевал скуку. А потому успокаивал. Человек даже собрался было вернуться в постель, если бы внимание не привлекли два приближающихся желтых глаза.

Лучи фар скользнули по его лицу и погасли. За воротами дома остановилась машина с характерными признаками такси. Охваченный смесью замешательства, возбуждения и страшного любопытства, человек остался наблюдать.

Из автомобиля вышла девушка. На вид не больше двадцати лет, на вкус — недурной наружности. Ее лицо было собрано из черт, которые сами по себе смотрелись непримечательно: глубоко посаженные глаза, маленькие губы, прямой нос. Их можно было назвать стандартными и даже неинтересными, но вместе они складывались во вполне себе обаятельную, запоминающуюся внешность. Забрав скромные пожитки, незнакомка минула ворота и двинулась по вымощенному брусчаткой двору.

Человек не верил глазам; он сомневался и в каком-то лихорадочном волнении думал, что произошла нелепая ошибка. Но никакой ошибки не было.

Хозяйка приняла гостью с полным радушием.

— ***, — у него вырвалось одно лишь бранное слово, хотя в голове человека бродили куда более изысканные ругательства.

Да и человеком, по правде говоря, он не совсем являлся.

Глава 1

Добро пожаловать в «Барнадетт»

Порт-Рей. Добраться до него непросто — не самый популярный город. Тяжелое свинцовое небо над старыми крышами, окутанные пеленой тумана убитые улочки, редкие прохожие со скверным расположением духа. Так Нина его и представляла.

Признаться, виделась ей в этих печальных картинах какая-то особая романтика.

Минув готическую часовенку на выезде, такси покинуло город и въехало в лесную полутьму. Очертания сосновых макушек за окнами размывались в скорости и сумеречных просветах неба, фары обрисовывали кусты у дороги и мгновенно отправляли их во мглу. Нина пребывала в состоянии легкой эйфории, призванном ненадолго усыпить ее тревогу. Водитель, к счастью, вопросов не задавал, хотя прекрасно понимал, куда везет пассажирку. В место с не лучшей репутацией.

За чертой Порт-Рея, среди высокой зелени и вековых сосен прятался старинный особняк — отель «Барнадетт», детище рода Стелманис.

Лет семьдесят назад заведение принадлежало к числу тех, которые принято называть «первоклассными». В этих

стенах рождались джазовая музыка, гениальные идеи и сотни головокружительных романов. Чистый лесной воздух исцелял гостей лучше всяких лекарств, а далекие звуки морского прибоя успокаивали мысли. Сюда бежали от мирской суеты, докучливых коллег, запутанных отношений. И от самих себя. В «Барнадетт» ты мог представиться кем угодно.

Огромное влияние и нескромный доход — семье Стелманис было чем похвастаться. Доподлинно теперь неизвестно, почему бизнес пришел в упадок. Были ли это финансовые проблемы с миллиардными кредитами или нависшее над отелем проклятье — каждый решал для себя сам. Так или иначе, пока правда скрывалась за величественным фасадом, отелю продолжали приписывать дьявольские черты.

Располагалась главная мистическая обитель на высоком холме. Окна особняка видели город, извилистый берег, далекие морские суда. Но сам отель было не так просто найти невооруженным глазом в толще зелени. Впрочем, никто и не искал.

Завидев из такси высокие кованые ворота, Нина захрустела пальцами, чтобы унять нервное покалывание. «Барнадетт». Это был долгий и утомительный путь. И не менее сомнительный. Таксист дождался, пока Нина выйдет из машины, бросил ей в ноги чемодан и оставил наедине с огромным домом из серого камня.

Асимметричный готический особняк словно сошел с иллюстрации мрачной, таинственной сказки. Трехэтажное здание венчали башни, неустанно тянувшиеся к холодным облакам; выше были только шпили с голыми остроконечными флагштоками. Старинный фасад украшали граненые эркеры и рельефные скульптуры с вычурными переплетениями орнаментов. Балкон на втором этаже

был обнесен балюстрадой из черного мрамора. В высоких арочных окнах горел свет.

За территорией никто не ухаживал, газон зарос травой и сорняками. Ветки сухих кустарников изламывались в самых зловещих формах, отбрасывая не менее уродливые тени. Изъеденный временем фонтан перед крыльцом спал, а тина и поросшие мхом сколы на нем говорили о том, что уже довольно давно.

«Барнадетт» был пугающе красив.

Нина взошла по широким ступеням к двухстворчатой дубовой двери, и в глаза невольно бросился дверной молоток, отлитый в форме львиной головы. Львиная голова — как пафосно и банально. Обхватив ручку, она трижды постучала.

Раздался скрип засовов, и вскоре на пороге Нину встретила женщина с тусклыми русыми волосами, завитыми в локоны. Она была ужасно худой, быть может, даже слишком. На бледном лице с узким подбородком темнели выдающиеся линии скул, от папаши Стелманис ей достался прямой, чуть вздернутый нос. Хозяйку уверенно можно было назвать повзрослевшим отражением Нины. Невероятное сходство выдавало родственные узы, которые формально связывали оба поколения.

Тетушке Эстель было за пятьдесят, но о прожитых годах говорила исключительно мудрость стальных глаз. Она выглядела моложе и даже в простом домашнем платье производила неотразимое впечатление. Рассматривая ее, Нина обнаружила, что за долгие годы разлуки образ тетушки значительно истрепался в памяти.

— Нина, наконец-то. Проходи скорее, — пригласила в дом Эстель сдержанным тоном.

Нина послушно переступила порог и оказалась в просторном холле, выложенном темным мрамором. Много рассказывало о былой роскоши: внушительных размеров

хрустальная люстра под высоким потолком, тусклые полосы шерстяных ковров на изгибах парадных лестниц, отделанная почерневшей позолотой стойка администратора и множество развешанных над ней часов, которые некогда показывали время разных стран, а теперь намертво встали. С левой стороны от пустующего регистрационного стенда соседствовали арка в столовую и резные двери в гостиную залу, справа уходил коридор с номерами.

У Нины сложилось впечатление, что внутри отель кажется куда больше, чем снаружи.

— Люциус! — Позвала Эстель. — Помоги Нине отнести вещи.

При мысли о дворецком в голове сперва возник образ галантного мужчины во фраке, а потом вдруг вымышленный портрет сменился карикатурным ворчащим стариком. Воображение разыгралось совсем не к месту. Тем более из дверей гостиной вышел вовсе не дворецкий. Это был молодой человек лет двадцати пяти, к слову, очень хорош собой. Одет с иголочки — облегающий крепкое тело джемпер, клетчатый шерстяной костюм с крупными серебристыми пуговицами на пиджаке. Лицо безупречно, как творение Микеланджело, классически правильные черты и античный профиль наверняка обращали на их обладателя взгляды всех женщин и мужчин. Аристократическую бледность выгодно подчеркивали темные локоны. А глаза! В этих лукавых зеленых глазах свет играл, подобно солнцу на водной глади. Они пугали и зачаровывали. Манили и отталкивали. Они вызвали у Нины неподдельное любопытство.

— Добро пожаловать, — улыбнулся Люциус, обнажив острые от природы клыки. Скользящая по его лицу тень усталости тут же разбила идеальный облик.

— Люциус проводит тебя в комнату, — Эстель передала племяннице ключ. — И спускайся на ужин. Только не затягивай, а то остынет.

Едва Нина успела поблагодарить за гостеприимство, как Люциус подхватил чемодан и понес вверх по лестнице. Нина торопилась следом за его широкой спиной и запахом духов, напоминавших морской бриз и смородину.

От лестницы второй этаж расходился на западное и восточное крыло. Люциус нырнул в западный коридор, — двери по обе стороны были закрыты. В свете потолочных ламп печально мерцал золотистый узор на потускневших бордовых обоях, из медных рам за Ниной следили интеллигентные лица джентльменов и леди. Должно быть, портреты рода Стелманис, о котором она знала не так много, как следовало бы.

— Как тебе город? — Внезапно спросил Люциус, прервав гулкий звук шагов.

— Холодно, пасмурно, чуждо. — Нина вспомнила тонущие в тумане виды.

— Все дороги ведут в Порт-Рей, — ответил Люциус будничным тоном. Нина не совсем поняла, что он имел в виду, и тактично промолчала.

В скором времени несостоявшийся дворецкий оставил ее у номера и поставил вещи. Нина вновь столкнулась с волшебными зелеными глазами и не отказала себе в удовольствии заглянуть в них. Как смотрят на редкий музейный экспонат — с интересом и волнением. Ненадолго залюбовавшись столь дивной красотой, она вложила ключ в замочную скважину и повернула. Послышался звонкий щелчок. Со скрипом железных петель дверь отворилась, с порога пахло застарелым табаком. Люциус помог включить свет.

Комната была заставлена не новой, но неплохо сохранившейся мебелью красного дерева. Кресла обтяну-

ты узорной рогожкой; письменный стол у окна украшен сверкающей медной лозой, очень напоминающей виноградную; старинный комод любезно накрыт салфеточкой тонкой вязки. На двухместную кровать Нина покосилась с сомнением, — обширное пространство не виделось ей чем-то комфортным. Серые обои с бледным орнаментом из роз душили и вгоняли в тоску. Нина заглянула в ванную. Сантехника на удивление не изнасилась.

— Увидимся еще, — голос Люциуса напомнил о его присутствии. Но, обернувшись, Нина застала за спиной лишь пустой дверной проем. Прекрасный молодой человек исчез, как видение.

Она села на край кровати и дала себе время привыкнуть. В последние дни ее жизнь напоминала бешеную карусель, которой никак нельзя было сказать «остановись». Пять минут тишины и одиночества стали недолгим питстопом перед заездом в следующий этап жизни. Этап под названием «Барнадетт».

И начинался он с остывающего внизу ужина.

Переодевшись с дороги, Нина спустилась. Чем ближе она подходила к столовой, тем отчетливее до нее доносился разговор:

- А я знала, что так и будет! Что он все просрет!
- Не выражайся, Агнес.
- А то ты не привыкла.

Столовая «Барнадетт» напоминала бальную залу, украшенную классическими фресками и дорогой мебелью. В центре располагался длинный обеденный стол, по стенам — столики поменьше. Каждый застелен пожелтевшей от времени скатертью, снабжен пустым набором для соли и перца. Развешанные по залу пейзажи напоминали окна в вычурных рамах — одно выходило в дивный лес с водопадом, другое — в скалистые горы,

третье — к обласканному солнцем берегу. Огромной резной дверью столовая сообщалась с кухней.

Тетя Агнес сидела в центре и раскладывала пасьянс на белой кружевной салфетке. Похоже, страсть к картежным играм — семейное наследие, — решила Нина, непроизвольно вспомнив отца. По левую руку от тетушки стояла серебряная пепельница с окурками, по правую — бутылка виски и наполненный стакан.

Агнес сильно отличалась от сестры — Эстель: в ней не было ни элегантности, ни осанистости. В лицах никаких общих черт: младшей Стелманис достались широкая челюсть, тонкий нос с горбинкой и большие янтарные глаза под густыми темными бровями. Курчавые волосы убраны в хаотичный пучок на затылке. Агнес красила их в огненно-морковный цвет с тех самых пор, как магазины Порт-Рей запустили в массовую продажу хну.

Нет, определенно ничего похожего на Эстель. Но что-то в Нине узнавалось и от второй тетушки — невысокий рост, отсутствие вкуса в одежде. На Агнес была мужская рубашка, неловко заправленная в джинсы свободного кроя. На манжете масляное пятно.

Тетушка заметила Нину, и ее хмурое лицо просияло:

— Здравствуй, дорогая, — поздоровалась Агнес грубым от сигарет голосом.

Ответив неловким кивком, Нина расположилась на месте, сервированном фарфоровыми приборами. Бокал наполнен красным вином, на вытянутом блюде жареный цыпленок. От пробудившегося голода она была готова наброситься на еду руками, но, усмирив животные инстинкты, цивилизованно взяла вилку и неспешно, насколько могла, принялась ужинать. Приготовлено превосходно.

— Извини, что не получилось встретить тебя на вокзале, — произнесла Эстель, восседая во главе стола. —

Кое-кто так и не смог починить машину, — она метнула укоризненный взгляд на сестру.

— Завтра, завтра, — отмахнулась Агнес, делая вид, что серьезно задумалась над раскладом. Тетушка затаилась сигаретой и отправила ее дотлевать в пепельницу. Осушила стакан.

— Болтают, что отель давно не принимает гостей. — Иногда Нина меняла направление разговора, озвучивая очевидные вещи. Ее своеобразный способ задавать вопросы.

— Верно, — кивнула Эстель, — дом открыт только для некоторых постояльцев. — Недолго подумав, уточнила: — Друзей семьи.

Последний раз Нина встречалась с тетушками совсем маленькой девочкой и имела ограниченное представление об их личной жизни, деятельности и уж тем более друзьях. Как они, в свою очередь, не знали жизненных перипетий Нины и того, что в них участвовал дядюшка Сэм — отцовский приятель, заимевший репутацию самого трезвого как во время застолий, так и во взглядах на жизнь. Агнес и Эстель не спросят его имя, как Нина не спросит о сожителях родственниц. Хотя, может, стоило бы поинтересоваться соседями? — Оставив тему открытой, она запила ее вином.

— Но куда важнее твоя история. — Агнес оторвалась от пасьянса и выжидающе уставилась на племянницу.

Всю дорогу до Порт-Рея Нина готовила свой рассказ ради этого момента, но, когда пришло время, обнаружила от него лишь бледную зарисовку.

— Ничего интересного, — Нина принялась активнее налегать на ужин, — отец проиграл много денег в карты и исчез. Дом и все имущество конфисковали в уплату долгов...

Она вдруг спохватилась и начала охлопывать себя по карманам. В джинсах обнаружился заветный клочок из вчерашней газеты. Нина разгладила его пальцами на столе, но перечитывать не стала, каждое слово она уже знала наизусть. Подвинула обрывок Агнес и принялась наблюдать, как глаза тетушки бегают по заметке. «Полицейские нашли в пригороде тело мужчины, погиб предположительно в результате насильственной смерти. При нем найдена пачка сигарет и фишка для покера».

— Читал, что она приносит удачу, — негромко пояснила Нина, представляя красно-зеленый кружок с логотипом столичного казино-клуба.

— Дурак. — Агнес с пренебрежением передала бумажку Эстель. — Получил то, что заслужил.

— Ты как всегда категорична, он же наш брат, в конце концов, — Эстель аккуратно сложила кусочек газеты вчетверо, даже не взглянув. Отодвинула в сторону.

— Пусть земля ему будет дерьмом! — торжественно провозгласила Агнес, подняв стакан. Нина удержалась от замечания, что солидарна с этим мнением, и поднесла к губам вино. Столкнувшись с последствиями особого образа жизни отца, она никак не могла проникнуться к кончине родителя должной скорбью.

— Мы с вами никогда не были близки, но мне больше некуда пойти.

Меньше всего Нине хотелось выглядеть жалкой. И она злилась на себя за то, что в данных обстоятельствах по-другому быть не могло.

— Ты все сделала правильно, — в сдержанной манере ответила Эстель, явно руководствуясь хорошо развитым чувством эмпатии.

— Тихо, — прервала их Агнес. — Слышите?

Палец тетушки уставился в потолок. Нина бессознательно проследила за ним; в глаза бросилась люстра с ими-

тацией восковых свеч. И лишь после ушей достигла тихая музыка с верхних этажей.

— Ох, опять он, гаденыш, — сердито вздохнула Агнес.

— Брось, Несс. Музыка — наслаждение, удовольствие — благо, страдание — зло...

В арке стоял высокий, неопрятного вида мужчина с узким хищным лицом в колючей щетине. Голова величаво запрокинута, черные волосы висели до плеч сальными патлами, прикрывая надменную, злую физиономию. Меж холодного блеска косм над Ниной снисходительно смеялись волчьи глаза глубокого карего цвета. Измятая рубашка словно была застегнута впопыхах, — пара нижних пуговиц перепутана, остальные вовсе остались без внимания и открывали располозованное шрамами жилистое тело.

— Высокосортная хренотень, — без энтузиазма оценила Агнес. — Как мне ее подписать: «пьяные бредни Джеймса Митчелла», или это какой-то доисторический философ?

Мужчина вальяжно вошел, взял со стола стеклянный графин и поднес горлышко к носу:

— Да не помню. Наверное, что-то из Аристотеля, — разочарованный тем, что в графине оказалась всего лишь вода, поставил его на место.

— Вообще-то Аристотель говорил, что излишества в удовольствии — распушенность, достойная порицания, — мрачно заметила Эстель.

— В точку, — саркастично согласился мужчина, выскивающим взглядом осматриваясь по сторонам.

Все в нем вызывало отторжение: одичалый внешний вид, напыщенные манеры, показная бесшабашность. В сторону Нины пахло перегаром и немывтым телом, вызывая тошнотворное отвращение, но за маской невозмутимости едва ли можно было об этом догадаться.

— Джеймс, это Нина, — представила Эстель.